

6. Скотт В. Вдова горца [Электронный ресурс] / В. Скотт. – Режим доступа : http://lib.ru/PRIKL/SCOTT/vdova_gorza.txt.
7. Скотт В. Талисман, или Ричард Львиное Сердце в Палестине / В. Скотт. – Харьков : Книжный клуб "Клуб семейного досуга" ; Белгород : ООО "Книжный Клуб "Клуб семейного досуга"", 2013. – 416 с.
8. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 578 с.
9. Becker H. S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance / H. S. Becker. – New York : The Free Press, 1973. – Psychology. – 215 p.
10. Burton R. The Anatomy of Melancholy / R. Burton ; [eds. T. C. Faulkner, N. K. Kiessling, R. L. Blair]. – Oxfors : Clarendon P., 1989. – Vol. 1.
11. Delvolvé J. Essai Sur Pierre Bayle: Religion, Critique Et Philosophie Positive / J. Delvolvé. – BiblioBazaar. – 2010. – 452 p.
12. Goffman E. Stigma / E. Goffman. – London : Penguin. – 1963. – 123 p.
13. Ragaz S. A. "A living death": The Madwoman in the novels of Walter Scott / S. A. Ragaz. – Graduate Department of English ; University of Toronto ; National Library of Canada, 2001. – P. 286.

Анотація

Стаття присвячена дослідженню стигматизації індивідів у творах першої половини XIX століття. Автори творів приділяють особливу увагу проблемі стигматизації та самостигматизації, наслідкам цього явища; доводять той факт, що стигма знецінює людину.

Ключові слова: стигма, безумство, самостигматизація, суспільна думка, ізоляція героя.

Аннотация

Статья посвящена исследованию стигматизации индивидов в произведениях первой половины XIX века. Авторы произведений уделяют особое внимание проблеме стигматизации и самостигматизации, а также последствиям этого явления; доказывают тот факт, что стигма обесценивает человека.

Ключевые слова: стигма, безумие, самостигматизация, общественное мнение, изоляция героя.

Summary

The article investigates stigmatization of individuals in the works of the first half of the XIX century. Authors paying special attention to the problem of stigma and selfstigmatization; the effects of this phenomenon; proving the fact that the stigma devalues man.

Keywords: stigma, madness, selfstigmatization, public opinion, isolation of hero.

УДК 821.112.2–3*Бёлль:821.161.3–3*Науменко:141.32

Сакович Т. С.,

магістр,

Гомельський державний університет
імені Ф. Скоріны (Беларусь)

ФИЛОСОФИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ВОЕННАЯ ПРОЗА ГЕНРИХА БЁЛЛЯ И ИВАНА НАУМЕНКО

В начале статьи необходимо четко уяснить главные особенности литературы экзистенциализма. Состояние переживания каждым человеком своего "бытия в мире", осознание абсурдных ложных жизненных целей и обретение истинных целей в так называемой на языке философии экзистенциальной пограничной ситуации нашло свое наивысшее отражение в военных литературных произведениях немецкого (Генриха Бёлля) и белорусского (Ивана Науменко) писателей.

Само слово “ex(s)istentia” переводится с латинского языка как “существование”, которое зачастую приводит главных героев в тупик, к осознанию собственной никчемности и нестерпимого чувства душевной боли и одиночества. Единственное спасение для своих персонажей авторы-экзистенциалисты видели в создании пограничной ситуации, в которой индивид оказывается на границе жизни и смерти и преодолевает тяжелые душевные испытания (смерть близких ему людей), болезни, смертельные опасности, радикально изменяя при этом себя и чувство ответственности за всю свою дальнейшую жизнь. Заостряя внимание именно на нравственной стороне проблемы, авторы подчеркивали несовершенство общественного устройства и пытались утвердить, что изменения в обществе должны начинаться с изменений в человеческой душе, его внутреннем мире.

Данное литературное течение зародилось в 30–60-х гг. XX в. – в период самой жестокой и абсурдной Второй мировой войны, когда проблема смысла человеческого существования буквально пронизывала каждое художественное произведение. Романы Генриха Бёлля и Ивана Науменко, основанные на факте, можно лишь в определенной степени назвать художественными (и мы уже подробно рассматривали художественные приемы реализации принципа “монументального” реализма в романах писателей, основной задачей которой было убедить читателя в особой “монументальной” реалистичности писательского стиля обоих авторов [6, 61]).

Философские мотивы в прозе Г. Бёлля уже отмечала Э. А. Ильина в статье “Романы Генриха Бёлля (Вопросы поэтики)”, в которой указывала сильное влияние философии “отчаяния” и “стойкости” на творчество Бёлля. Книги последнего, по мнению исследовательницы, во многом дают определения таким понятиям, как “сущность” и “существование”, “подлинность” и “неподлинность” человека, обличают проблемы свободы, потери всего истинного и человеческого в современном мире техники.

Проза Г. Бёлля и И. Науменко действительно насквозь пропитана философскими мотивами, размышлениями об одиночестве человека (последнее более присуще немецкому прозаику), о ценности человеческой жизни, об особом предназначении каждого из нас. С разницей в восемь лет будущие писатели родились в то время, когда белорусская и немецкая земли еще не успели оправиться от последствий первой кровопролитной войны. А вскоре им пришлось сражаться друг против друга во второй еще более кровопролитной войне. От горьких слез до моментов радости, от опустошенности до неопишуемого желания жить их сопровождало единое чувство страха, которое в экзистенциальной философии является одной из наиболее значимых установок.

На первый взгляд, страх не имеет особого философского значения, но именно экзистенциалисты, подробно исследуя его феномен, пришли к выводу, что страх есть нечто более серьезное, чем простое переживание. Необходимо четко разграничивать понятия страха и боязни. Боязнь всегда предполагает наличие какого-либо определенного источника угрозы. Бояться можно людей, обстоятельств, условий, явлений. У чувства страха предмет, который его провоцирует, не определен. Именно в этой неопределенности и проявляется основное свойство страха. Это чувство возникает без какой-либо видимой и

определенной причины. Из-за этого человек зачастую не способен оказать сопротивление, так как неизвестно, откуда страх наступит и к чему приведет.

В большинстве случаев страх считается негативным явлением, но писатели-экзистенциалисты придают ему иной, позитивный окрас. Они утверждают, что рано или поздно страх подстерегает нас во всех жизненных ситуациях. Он необходим нам для того, чтобы абстрагироваться от ежедневных проблем и забот, увидеть свое существование с противоположной стороны и переосмыслить восприятие жизни. Страх можно образно сравнить с огнем, который сжигает все второстепенное и помогает человеку увидеть истинное в собственном существовании, заставляет задуматься над ошибочными жизненными ориентирами и вынуждает его опереться лишь на самого себя. Таким образом, страх в литературе экзистенциализма становится наивысшим достижением художественного персонажа, который либо обретает свое истинное лицо либо погибает из-за собственных ошибочных суждений либо бездействия, так и не познав своего настоящего “Я”, не постигнув себя как экзистенцию.

Художественная идея романа “Сосна при дороге” И. Науменко, развиваясь во времени, все больше приближает героев к глубокому пониманию сущности войны и героизма. В этом смысле большой жизненной школой для главного персонажа Мити Птаха были арест и тюрьма, где он на своих глазах увидел настоящую цену жизни и достоинству человека. Уже в первой части трилогии автор показывает, как, пережив многие беды – потерю близкого друга, Сергея Амельченко, гибель других товарищей, испытал страх смерти, – его герой задумывается над тем, к каким духовным высотам может подняться человек, если победит в себе страх и отважится на подвиг во имя своего дома и семьи.

В противоположность Мите Птаху белорусский автор создает отрицательный образ всеми уважаемого Августа Эрнестовича Крамера, который, испытывая постоянный страх смерти из ниоткуда, выбирает путь измены и предательства.

Бёллевские герои живут в постоянном разладе со своим “Я” с запредельно обостренным чувством страха. И, как уже было отмечено ранее, они испытывают страх за свою жизнь не от конкретной угрозы, а от неопределенного предчувствия опасности, которая идет из ниоткуда. Чувство неопределенного страха в поведении немцев-захватчиков замечают и местные жители Батькович в романе “Сосна при дороге”: “...Митя ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из солдат, которые заходят в клуб, <...> рассказал о Германии. Это почему-то радует, вызывая острый интерес и удивление. Почему немцы молчат? Если они сильные, то почему боятся друг друга и, рассказывая что-нибудь, оглядываются?...”. Ответ на заданный Митей вопрос знает только Генрих Бёлль. Также, как и жители Батькович, немецкие солдаты боялись одного – внезапной, непредсказуемой смерти. “*Страх от неизвестности, неопределенности, – шевелится мысль. – Если знаешь, что с тобой будет, не так страшно...*” [4, 29].

Как и в романах Науменко, разные бёллевские герои по-разному пытались бороться с этим состоянием. Кто-то пытался заглушить страх карточной игрой, втягиваясь в которую, стремился подменить страшную действительность. Другие,

преодолевая нравственную пустоту, бросал вызов страху и обретал свое истинное “Я”. В романе “Под конвоем заботы” Фриц Толм, много лет испытывавший страх “перед чем-то”, страх за свою жизнь, внезапно понимает, что страх исчез и сменился “теплом заботы”: “за каких-нибудь два часа открыл в себе спасительную двурядность мыслей и именно теперь, вопреки всему, снова обрел личную жизнь, детей и внуков...” [8, 91].

Таким образом, в романах обоих писателей мы просматриваем прямую зависимость их персонажей от экзистенциальной пограничной ситуации, которая разрушает “вторичную” реальность и побуждает к изменению существующего положения. Герои (хоть и немногие) переходят из состояния отчаяния и страха к конкретным поступкам. Поэтому одной из важнейших проблем, нашедшей свое отражение как в философии, так и в литературе, является проблема самоидентификации человека, возвращение его к самому себе, к глубинным истокам своей личности, познание и обретение своего “Я”. “Мир уже устроен, – отмечает М. Мерло-Понти, – но также и никогда не устроен полностью. В первом отношении мы побуждаемы, во втором отношении мы открыты бесконечности возможного...” [3, 195]. Конечно, человек не может полностью изменить реальность, но он может изменить свое восприятие окружающего, что будет способствовать сохранению его экзистенции. Если же человек не в силах справиться с обстоятельствами, то он поглощается ими, теряя себя.

Изучая проблему самоидентификации человека в экзистенциальной пограничной ситуации, можно отметить, что одни из персонажей немецкого и белорусского писателей сохраняли свое человеческое достоинство (тип героя обозначен как “самопознающий” и является доминирующим у И. Науменко), другие же лишались моральных и нравственных установок, шли на самообман и предательство (тип героя обозначен как “самоотреченный” и в большей степени характеризует бёллевского персонажа). Отречение героев от самих себя, от своей экзистенции связано в первую очередь с их бездейтельностью, неспособностью справиться с экзистенциальной пограничной ситуацией, в которой они оказались не по своей воле.

В начале XX столетия на фоне мировых войн, страданий и гибели миллионов людей зародился абсурдизм, система философских взглядов, развившаяся из экзистенциализма, в рамках которой утверждается полное отсутствие смысла человеческого бытия (абсурдность человеческого существования). Абсурд в литературе демонстрирует нам бессмысленность, бесцельность, парадоксальность, нелепость и даже комизм привычных жизненных условностей. Литература абсурда затрагивает самые разные сферы: психологию, социум, кризис духовности, культурные ценности, тоталитаризм государства и другие аспекты. Обращаясь к военной литературе немецкого и белорусского автора, нетрудно сразу заметить присутствие абсурдизма на страницах романов. Согласно классическому абсурдизму, человеческая жизнь по сути бессмысленна. Альбер Камю в “Мифе о Сизифе” исповедует мысль о том, что человек может создать для себя смысл собственной жизни, который может и не быть объективным смыслом жизни, но

все же давать нечто, за что можно бороться. Однако он настаивал, что человек всегда должен соблюдать дистанцию между этим изобретенным смыслом и знанием об абсурде, чтобы этот выдуманый смысл не занял место абсурда.

Безусловно, прямой противоположностью абсурда является христианская религия. Согласно христианским учениям, земная жизнь, полная печалей и скорби, не может быть высоко оценена, но именно она готовит человека к вечной жизни. Идея бессмертия души и воскресения наполняет высоким смыслом жизнь христианина и дает ему силу пройти через невероятные трудности. После смерти душа выходит из тела, ни на секунду не прерывая своего существования, и продолжает жить той же полнотой жизни, которую начинала жить на земле. Каждый из нас продолжает свое существование хоть уже и без тела, но со всеми мыслями и чувствами, со всеми добродетелями и пороками, достоинствами и недостатками, которые были свойственны нам на земле. Если человек при жизни был истинным христианином, то душа ощутит присутствие Бога и обретет покой. Если же человек был великим грешником, то душа его будет тосковать по Богу, ее будут мучить желания, к которым привыкла плоть, так как удовлетворить их будет нельзя, будет страдать от близости злых духов.

Будучи глубоко верующими христианами, И. Науменко и Г. Бёлль обращаются к теории абсурдности человеческой жизни лишь в период войны. Согласно авторской концепции, жизнь настолько хрупка и быстротечна, что настоящим абсурдом для человека становится растрата драгоценного времени не на добрые деяния, а на жестокие кровопролитные войны, печальным финалом которых станет нелепая смерть как виноватых, так и невиновных.

Г. Бёлль подчеркивает противоестественность и нелепость войны в эпизоде романа “Где ты был, Адам?”, связанном с историей одного военно-полевого госпиталя. Немецкий солдат, фельдфебель Алоиз Шнейдер, выходит из госпиталя навстречу наступающим советским танкам с белым флагом с красным крестом. От волнения и от страха он спотыкается о неразорвавшийся снаряд, который уже давно валялся у навозной ямы у всех на виду. В снаряде срабатывает взрывное устройство. Русские танкисты, приняв его за начало артиллерийского обстрела, открывают по госпиталю огонь. Раненые гибнут. Перед нами совершенно нелепая, чудовищная случайность войны, повлекшая за собой бессмысленную смерть врачей и раненых.

Абсурдность войны у Генриха Бёлля заключается и в том, что гибли солдаты, выполняющие нелепые, буквально садистские приказы своих командиров. Это наглядно демонстрирует нам история гибели унтер-офицера Финка, служившего буфетчиком в большом госпитале. Начальнику госпиталя, Гинцлеру, захотелось побаловаться токайским вином, и он отправил Финка в Венгрию за вином, ликером, и, если повезет, за шампанским. У себя дома унтер-офицер Финк держал винный погребок и поэтому знал толк в вине. Он раздобыл пятьдесят бутылок настоящего токайского вина, но вместе с чемоданом, куда он сложил вино, унтер-офицер попал на передовую. Финк так боялся своего начальника, что даже пробираясь сквозь пулеметные очереди и беглый огонь русских минометов,

еле передвигая ноги от усталости, не выпускал из рук “невероятно тяжелый чемодан”. Одна из мин угождает прямо в чемодан. Унтер-офицер Финк погибает.

Мысль о нелепости и абсурдности войны человека с себе подобным в очередной раз поддерживает Иван Науменко эпизодом из романа “Сорок третий”, где вечером в фойе местного клуба молодой немецкий солдат поет грустную песню о бессмысленности войны: *“Пой, солдат!.. Россия, которую твой фюрер полгода назад считал побежденной, униженной, выстояла, гнала по снежным равнинам твои армады. Идите вперед, немецкие мальчики, фюрер вам припасет березовых крестов!.. Запомни, солдат, романтики не будет, не пойдешь ты победным шагом, засучив рукава, а щедро польешь молодой кровью каждую пядь чужой, жесткой земли. Ваш фюрер говорит, что война – естественное состояние человека. Ты почувствовал, должно быть, вкус войны, потому и грустна твоя песня. Пой, солдат!..”* [5].

В романе “Сосна при дороге” автор подчеркивает нелепость смертей ни в чем неповинных людей. Митя “уже слышал о тех расстрелянных. Их похватали из разных деревень. Среди погибших три местечковца, и все незнакомые”. Но в его памяти “особенно страшной, нелепой была смерть одиннадцатого, молодого, красивого хлопца из Пилятичей, откуда родом Митина мать. Его взяли на дороге: шел в местечко к родственникам. Немцам, видно, не понравилось, что был он по-праздничному одет – в новом костюме, туфлях, белой вышитой рубашке. Поманили пальцем – ком, ком, – он подошел к машине, а они очередь из автомата...” [4, 137].

Ёсип Кавенька поехал в дальние села менять соль на картошку. А так как лошади у Кавеньки не было, он попросил коня у человека, который, как говорили, был полицаем (немцем). Оттуда, из болотных сел, Ёсипа везли уже мертвого, за гробом его шла вся улица. “Так что же, слепые там, что ли, в лесу? Не могут разобраться, кто свой, кто чужой? Между ребятами по случаю нелепого убийства разгорелся спор. Свои убивают своего. Одурели там, что ли?... Так что, если на полицаевом коне? А мы зачем? Не могли у нас спросить?” [5].

На любой войне каждая человеческая смерть по своей природе абсурдна, ведь идти “брату на брата и сыну на отца” противоречит главным христианским заповедям, которые Бог писал одинаково для всех. “История кровью написана. С самых первых шагов человека. Но мир такого давно не видел. Давно... Может быть, со времен Чингисхана. Никакого уважения к человеку. Абсолютно никакого. Смотрят на него как на скотину. Где те добродетели, которыми столько веков похвалялась Европа? Христианство, гуманизм...” [4, 318].

Война Бёлля – это, безусловно, война побежденных, война у Науменко – война победителей. Однако, обнаруживая у двух авторов схожие признаки литературы экзистенциализма, способной дать человеку (хотя и ценой тяжелых испытаний) еще один шанс на обретение своей экзистенции, нам любопытно увидеть художественные доказательства чудодейственной силы этого философского направления.

С одной стороны, можно упрекнуть Бёлля за отсутствие видимого героя, открыто конфликтующего с миром в виде целенаправленных действий, приносящих положительные результаты. Тем не менее, его герои все же обнаруживают в себе неудержимое желание к такому изменению. Они воспринимают окружающий мир более обостренно, чем остальные, и совершают весьма своеобразные поступки, отмеченные тенденцией к разрушению искаженной картины реальности.

Процесс активного познания героями мира и самих себя сопровождается стремлением к разрушению уже не внутреннего, а внешнего мира реалий. Знаком этого процесса становятся вещи, которые герои уничтожают. В произведениях Бёлля, изобилующих описанием самых разнообразных вещей, предметов домашнего обихода, вещь вступает во взаимосвязь с сознанием и психикой героев, что способствует возникновению символически наполненного образа. Так, деньги ассоциируются с кровью, страхом, смертью. *“Знаете, отчего умерла моя жена? – спрашивает банкир Кренгель Карла фон Крейля (“Женщины у берегов Рейна”), – От страха, болезненной фантазии и апатии. Она не выносила вида денег сразу вспоминала о золотых коронках, вырванных у убитых... Но куда она могла спрятаться, чтобы не видеть денег?”* [1, 143]. Дорогие рояли, машины, свидетельствующие о преуспевании, материальном благополучии тех, кто с легкостью уничтожает людей, являются теперь для Карла символом жестокости и аморальности. Он рубит топором ценные рояли в богатых домах. Впервые Карл совершает такой варварский поступок в тот день, когда *“погиб его лучший друг, полицейский, который готовился спасти того, чье имя нельзя называть и чье досье исчезло”* [1, 51]. Это убийство стало, как оказалось, еще одной жертвой, принесенной в угоду верховной власти, и единственным способом для Карла выплеснуть свой гнев и бессилие является уничтожение бесценного рояля. Карл хочет достучаться до людских сердец, напомнить им, что есть еще более значимое и ценное, чем дорогие вещи – человеческая жизнь, отношения людей между собой, искренние, честные, нравственные, те вечные ценности, о которых нельзя забывать. Но все оказывается бесполезным и лишеным смысла. Люди, определяющие извращенные законы морали и нравственности, не признают ничего святого.

Безусловно, разрушение в области предметной сферы связано напрямую с опустошенностью человеческих душ, с исчезновением нравственных и моральных критериев. Однако уничтожение материальных ценностей содержит в своей основе и содержательное начало, являясь средством восстановления в душах людей утраченных духовных ориентиров. Банкир Кренгель, размышляя о варварских поступках Карла, замечает: *“Разобрать на части такой музыкальный инструмент – в этом (с искренним волнением) я вижу высшее духовное начало, своего рода божественный протест против обманчивости музыки, против роскоши, голода, вражды, против войны и всяческой нищеты, а также любой формы материализма”* [1, 153].

Постепенно за элементами вещественных, бытовых реалий (деньги, рояль, машины) формируется широкий спектр абстрактных понятий (страх, смерть, насилие, ложь, жестокость), которые Бёлль оживляет и делает их материально ощутимыми.

Великий мыслитель М. Фуко, исследуя феномен вещи, отмечал, что человек, который стремится к самовыражению, может обнаружить свое первоначало лишь в том, что началось раньше его, а именно – в вещи. Поэтому активное взаимодействие героев Бёлля с предметной сферой помогает им в постижении собственного “Я” и окружающего мира. Бёллевские персонажи, не желая мириться с существующими законами и порядками, протестуют против них, уничтожая вещи.

Сапер Роберт Фемель (“Бильярд в половине десятого”) взрывает аббатство, которое построил его отец: *“...я обеспечил немецкой армии “сектор обстрела”, который ей был совершенно ни к чему, стены падали к моим ногам, на скотных дворах ревела скотина, монахи проклинали нас, но ничто не могло меня остановить, я взорвал все аббатство Святого Антония в Киссгале, взорвал за три дня до окончания войны”* [7, 66]. Но это аббатство, где монахи распевали нацистские гимны, воплощало извращенные идеалы общества, культивировавшего фашизм, поэтому Фемель безжалостно его уничтожает.

Символами смерти, насилия, беспощадных убийств становятся вещи в разрушенных после войны домах. Персонаж повести “Хлеб ранних лет” Вальтер не может теперь равнодушно смотреть на уже бессмысленные атрибуты когда-то счастливой семейной жизни, которая так никогда и не будет прожита: *“Где-то помню, стояла швейная машина, ее игла взрызлась в кусок коричневой ткани, который не успел превратиться в детские штанишки, и никто меня не понял и не одобрил, когда я, минуя лестницу, швырнул машину в дверной проем и она вдребезги разбилась о каменные глыбы и обломки рухнувших стен; но больше всего я любил колошматить собственное лицо в зеркале, когда мы их находили, – серебристые осколки летели вниз озорными каскадами звонких брызг”* [2, 343].

Таким образом, герои, обретая свое подлинное “Я”, постепенно выходят из-под рамок своего ложного внутреннего мира, навязанного свыше, и постепенно встраиваются во внешнее бытие, обретая свою экзистенцию.

Познанию и становлению помогает и освоение героями реального пространства, вмещающего в себя место непосредственного обитания человека, обретение и сохранение героями, а не только разрушение, своего места на этой земле. Герои Бёлля действуют, в основном, в условиях городской среды, которая представляет собой сочетание, с одной стороны, многолюдности и общности, но с другой, изолированности и отчужденности, провоцируя ситуацию отторжения между людьми. Человек, растворяясь в массовой суете, в “безличности”, теряет себя и подчиняется чему-то общему.

Для романов Науменко подобная зависимость человеческого внутреннего состояния от элементов бытовых реалий не столь характерна. В отличие от бёллевских персонажей, которые оказываются слишком слабыми перед фашистской идеологией и вынуждены бросать вызов лишь миру окружающих их вещей, науменковские персонажи, находясь в экзистенциальной пограничной ситуации отваживаются на конкретное действие, поступок. Они открыто вступают в конфликт с внешним миром, нередко отдавая за попытку свою жизнь.

Таким образом, несмотря на значительные отличия в настроении писателей, в процессе создания своих произведений им в одинаковой степени удалось раскрыть одно из самых трудных в понимании философских направлений в литературе – литературу экзистенциализма. Оба автора акцентировали наше внимание на присущих каждому из нас чувствах абсурдности существования (в данном случае абсурдность существования рассматривается только в контексте войны), отчаяния, страха, смерти, одиночества, отчаяния. Объединяет персонажей и то, что их личность находится в постоянной борьбе с окружающей средой, чем-то враждебным, что навязывает им свою волю, мораль и правила игры.

Литература

1. Бёлль Г. Женщины на берегу Рейна : [роман] / Г. Бёлль. – М. : Международные Отношения, 1989. – 176 с.
2. Бёлль Г. Избранные произведения / Г. Бёлль ; [пер. с нем. С. Фридлянд]. – М. : Панорама, 1994. – 496 с.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти // От Я к Другому : [сб. пер. по пробл. интерессубъективности, коммуникации, диалога]. – Минск, 1997. – С. 195.
4. Науменко И. Я. Сосна при дороге. Ветер в соснах : [романы] / И. Науменко. – М. : Советский писатель, 1975. – 640 с.
5. Науменко И. Сорок третий [Электронный ресурс] / И. Науменко // Электронная библиотека RoyalLib.ru. – 2013. – Режим доступа : http://royallib.ru/book/naumenko_ivan/sorok_tretiy.html.
6. Художественные приемы реализации принципа “монументального” реализма в военной прозе Ивана Науменко и Генриха Бёлля на примере произведений “Сосна при дороге” и “Где ты был, Адам?” : [матэрыялы Міжнар. навук. чытаньняў] : “Рэгіянальнае, нацыянальнае і агульначалавечае ў славянскіх літаратурах” (Гомель, 7–8 кастрычн. 2010 г.). – Г. : Гом. дзярж. ун-т ім. Ф. Скарыны, 2010. – 372 с.
7. Böll H. Das Brot der frühen Jahre : [erzählung] / H. Böll. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 2007. – 112 s.
8. Böll H. Frankfurter Vorlesungen / H. Böll. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1968. – 121 s.

Анотація

У статті дається короткий огляд основних принципів філософського напрямку екзистенціалізму в художньому просторі. Детально аналізується суперечливий внутрішній світ персонажів в рамках військової прози німецького письменника Генріха Белля та білоруського письменника Івана Науменко. Детально проробляються всілякі прояви літератури екзистенціалізму, включаючи елементи літератури абсурду, складну систему художніх образів і деталей.

Ключові слова: війна, філософія, література, екзистенціалізм, абсурд, страх, роман, персонаж, герой, деталь, життя, смерть.

Аннотация

В статье дается краткий обзор основных принципов философского направления экзистенциализма в художественном пространстве. Подробно анализируется противоречивый внутренний мир персонажей в рамках военной прозы немецкого писателя Генриха Белля и белорусского писателя Ивана Науменко. Детально прорабатываются всевозможные проявления литературы экзистенциализма, включая элементы литературы абсурда, сложную систему художественных образов и деталей.

Ключевые слова: война, философия, литература, экзистенциализм, абсурд, страх, роман, персонаж, герой, деталь, жизнь, смерть.

Summary

This article gives a brief overview of the basic principles of philosophical movement of existentialism in literature. The controversial inner world of characters within the war prose of the German writer Heinrich Böll and the Belarusian writer Ivan Naumenko is analyzed in all the details. Various indicators of literature of existentialism, including elements of literature of the absurdity, difficult system of literary images and details are studied very carefully.

Keywords: war, philosophy, literature, existentialism, absurdity, fear, romance, character, hero, detail, life, death.

УДК 801.81+821.111 Вордсворт:82-144(477)

Карбашевська О. В.,
кандидат філологічних наук,
Прикарпатський національний університет
імені Василя Стефаника
(Івано-Франківськ)

БАЛАДА ВІЛЬЯМА ВОРДСВОРТА “ТЕРЕН” (“THE THORN”): ПОЕТИКА, ФОЛЬКЛОРНІ ВИТОКИ, УКРАЇНСЬКІ ПЕРЕГУКИ

*“Відтоді, безумовно, змінилися оспівані ним
краєвиди озер південної Англії.
Але крапля роси на тичинці похиленої квітки,
жайвір над полем жита чи замшілий валун –
усе те, в чому Вордсворт як ніхто інший
умів добачати безсмертну поезію Природи –
досі живуть у його рядках”.*
Максим Стріха [5, 128]

Постановка проблеми. Взаємини англійського фольклору з авторською творчістю досі залишаються малодослідженою галуззю у вітчизняній фольклористиці. Усна народна творчість є сконденсованим інформаційним носієм культурно-історичної пам'яті етносу, художньою моделлю свідомого, емоційного й психологічного складу національної спільноти та її індивідів. Пронизуючи усі сфери діяльності людини, фольклор інтенсивно виявляє та відтворює свою сутність у мистецтві. А невід'ємна закоріненість літератури Англії у її фольклорні пласти є необхідною умовою для збереження цілісності, самотності й динамічного розвитку феномена британського письменства у часо-просторовому вимірі.

Однією із яскравих сторінок зближення й тісного переплетення усної та писемної традицій стала епоха романтизму, коли зацікавлення рідним та іншомовним уснопоетичним словом призвело до становлення і розквіту жанру літературної балади. Протягом ХХ ст. світоглядно-філософська течія англійського романтизму (1785–1830) перебувала у центрі постійної уваги російського та українського літературознавства і, як наслідок, особливостям цього напрямку присвячено ґрунтовні праці Н. Михальської, А. Анікста, Б. Реїзова, Р. Самаріна, А. Єлістратової, Н. Дьяконової, а також Р. Багрій, Т. Бовсунівської, Н. Жлуктенко, Р. Зорівчак, С. Павличко, М. Стріхи, К. Шахової та інших вчених. Що ж до явищ фольклорно-літературних взаємин, фольклоризму в англійській літературі, то частково ці